

† Преосвященный Сильвестръ, какъ догматистъ.

Онъ открылъ то духовное содержаніе, которое вложено въ догматическія формулы, освободилъ духъ и истину изъ ея словесной оболочки. Догматы, сказалъ онъ, не формула, а сила и духъ, и задача догматиста прослѣдить исторически, какъ они являли въ себѣ и собою духъ и силу, слагаясь мало-по-малу и въ опредѣленныя формулы, составляющія какъ бы капитализацію или конденсацію ихъ.

Проф. А. И. Введенскій.

Настоящая *номинальная* замѣтка далека отъ мысли дать полное и всестороннее освѣщеніе догматической системы не только большой, но и великой. И это тѣмъ болѣе, что капитальный трудъ преосв. Сильвестра почему-то до сихъ поръ почти не обсуждался въ богословской литературѣ.

Въ высшей степени странно было отношеніе ученой критики къ догматикѣ преосв. Сильвестра. Спросите каждаго занимавшагося богословіемъ, получившаго духовное образованіе не ниже семинарскаго, объ этой догматикѣ: каждый знаетъ о ней и никто не дерзнетъ суда навести хульнѣе. Между тѣмъ ученая критика и встрѣтила ее, и проводила по всѣмъ изданіямъ полнымъ молчаніемъ. Написанная не для диплома (докторство преосв. Сильвестръ получилъ за „Ученіе о церкви въ первые три вѣка христіанства“ въ 1873 г.), она не могла имѣть официального отзыва. Епископскій ли санъ автора и видное общественное положеніе его заграждали здѣсь уста или были другія

причины, но до сихъ поръ богословію преосв. Сильвестра посвящена одна только спеціальная статья проф. А. И. Введенскаго „Сравнительная оцѣнка догматическихъ системъ высокопреосвященнаго Макарія архимандрита Сильвестра“ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ за 1886 г. (кн. февр., мар. и апр.). Хотя статья представляетъ собою студенческое семестровое сочиненіе нынѣ извѣстнаго профессора и появилась по выходѣ только 3 томовъ догматики преосв. Сильвестра, но многія сужденія о послѣдней могутъ быть повторены и нынѣ, когда догматику преосв. Сильвестра приходится сопоставлять съ рядомъ новыхъ монографій и даже цѣлыми системами. Кромѣ этой статьи о трудѣ преосв. Сильвестра не встрѣчается даже бѣглыхъ замѣчаній. Достаточно сказать, что его трудъ не упомянуть въ „Письмахъ о русскомъ богословіи“ П. В. Никольскаго (вып. 1, Спб. 1904 г.) и въ указателѣ „Что читать по богословію?“ проф. прот. П. Я. Свѣтлова (Кіевъ. 1907. Названо 1820 №№ книгъ).

Но одно обстоятельство вполне вознаградило преосв. Сильвестра за это общіе молчаніе. Сравнительно недавно появилась далеко не законченная еще новая догматическая система прот. Н. Маллиновскаго. И вотъ на магистерскомъ коллоквиумѣ почтенному автору пришлось выслушать (отъ того же проф. А. И. Введенскаго) горькій упрекъ въ томъ, что его система кое въ чемъ ниже системы преосв. Сильвестра (представляетъ „возвращеніе къ Макарьевскимъ традиціямъ“). Тогда же о догматикѣ преосв. Сильвестра высказано лестное сужденіе, стоящее эпиграфомъ къ нашей замѣткѣ. Это обстоятельство даетъ полное право сказать о догматикѣ преосв. Сильвестра, что она до сихъ поръ не *презойдена*.

Преосв. Сильвестръ принялся за догматику, когда русская наука владѣла трудомъ въ этой области на тогдашній взглядъ солиднымъ и съ богатой эрудиціей. Разумѣемъ

такъ называемыя большую и малую догматики митр. Макарія. Послѣднему пришлось въ качествѣ ревизора Академіи дать отзывъ о лекціяхъ архим. Сильвестра и онъ въ отчетѣ назвалъ ихъ „неудовлетворительными“. Говорятъ, что это тяжелое обвиненіе, едва не имѣвшее слѣдствіемъ удаленіе преосв. Сильвестра изъ Академіи, было вызвано рѣзкимъ различіемъ въ методѣ разработки науки у молодого тогда профессора въ сравненіи съ извѣстнымъ догматистомъ. Преосв. Сильвестръ дѣйствительно оказался удачнымъ соперникомъ митр. Макарія.

Много дѣлалось и дѣлается нападокъ, и письменныхъ, и еще болѣе устно, на догматику митр. Макарія, и такъ называемую большую, и особенно малую (нынѣшній семинарскій учебникъ). Даже сдержанный Хомяковъ не останавливается предъ названіемъ ея „жалкою дребеденью“. Рѣзкость и брань всегда неприятны. Но въ данномъ случаѣ болѣе обидны, чѣмъ эготъ отзывъ (принадлежащій все же талантливому и оригинальному богослову), сужденія о богословіи неутомимаго труженника, принадлежащія людямъ, не создавшимъ ничего лучшаго. Православное общество въ его цѣломъ, особенно общество стараго воспитанія, было снисходительнѣе и пожелать быть справедливейше къ трудамъ митр. Макарія. При всѣхъ недостаткахъ его системы оно не забывало и нѣкоторыхъ достоинствъ ея. До сихъ поръ не вытѣсенная лучшимъ руководствомъ изъ русскихъ духовныхъ семинарій¹⁾,

---

¹⁾ На прошломъ конкурномъ экзаменѣ въ Киевской Академіи можно было замѣтить, что воспитанники тѣхъ семинарій, гдѣ уже совершенно изытъ изъ употребленія учебникъ м. Макарія и замѣненъ напр. руководствомъ прот. Малиновскаго, давали не столь солидные (особенно по богатству библейскаго матеріала) отвѣты, какъ готовившіеся, даже исключительно, по митр. Макарію.

догматика митр. Макарія служить учебникомъ богословія по всему православному востоку.

Въ сравненіи съ прежними системами (митр. Платона, прот. Терновскаго, архим. Антонія) догматика митр. Макарія была такимъ большимъ шагомъ впередъ, величина котораго могла быть не видна только людямъ, совершенно незнакомымъ съ исторіей русскаго богословія (а кто знакомъ съ ней и изъ присяжныхъ русскихъ богослововъ и духовныхъ публицистовъ?). Митр. Макарій съ гордостью могъ сказать о своей системѣ: *faciant meliora... posteriores*. И изъ его преемниковъ,—которыхъ уже насчитывается нѣсколько,—преосвященному Сильвестру удалось сдѣлать наибольшее и наилучшее.

Два новыхъ пріема ввелъ преосв. Сильвестръ въ разработку догматики, и они именно сдѣлали изъ нея живую и до сихъ поръ неподражаемую систему. За пониманіемъ и выясненіемъ догматовъ преосв. Сильвестръ обратился къ живому религіозному сознанию церкви. „Пусть догматистъ никогда не отрѣшается отъ общаго религіознаго сознанія вселенской церкви, а пусть всегда живетъ ямъ, какъ своею жизненною стихією, пусть всегда глубоко проникается и одушевляется духомъ истины и вѣры, всегда присущимъ какъ всей церкви, такъ и истиннымъ и живымъ ея членамъ“¹⁾. Этимъ обращеніемъ отъ буквы догматовъ къ внутреннему сознанию церкви преосв. Сильвестръ и сообщилъ своей догматикѣ ту жизненность, которою она выгодно отличается отъ догматики митр. Макарія. Нѣкоторые шаги къ такой жизненности дѣлаетъ уже и промежуточное между

¹⁾ *Еп. Сильвестръ. Опытъ прав.-догм. богословія. Т. I. Изд. 3. Кіевъ, 1892. Стр. 43.*

этими догматиками „Православное догматическое богословіе“ Филарета арх. Черниговскаго (Черниговъ, 1864). Не была ли отдаленной причиною такого новаго направленія въ нашей догматикѣ литературная дѣятельность славянофиловъ, и въ частности начинавшаяся уже слава Хомякова съ его ученіемъ о церкви? ¹⁾).

Благодаря привнесенію такого начала въ разработку богословскаго матеріала, освященіе догматовъ у преосв. Сильвестра другое, чѣмъ у митр. Макарія. „Для перваго догматъ,—говоритъ проф. Введенскій въ упомянутой статьѣ— есть нѣчто отвѣтъ на меня возлагаемое, для послѣдняго догматъ есть не только ярмо, налагаемое на меня отвѣтъ, но мною самимъ желаемое, какъ согласное съ существенными требованіями моей природы, норма и основа религіозно-нравственной жизни“ (стр. 133). Короче говоря, первый освящаетъ догматъ съ „объективной стороны“, второй съ „субъективно-психологической“ (тамъ же).

Другое начало, положенное преосв. Сильвестромъ въ основу своей работы,—это историко-генетическое изслѣдованіе догматовъ. Митр. Макарій вполне сознавалъ все значеніе свитоотеческаго ученія объ истинахъ вѣры и въ своей догматикѣ отводитъ самое широкое мѣсто патристическому элементу. Но этотъ элементъ играетъ у него второстепенную роль: онъ ищетъ въ немъ только подтвержденія и объясненія извѣстныхъ догматическихкихъ положеній, извлеченныхъ изъ Св. Писанія и символическихъ книгъ православной церкви. Намѣчая методъ, котораго должна держаться догматика и которому онъ самъ намѣренъ слѣдовать, митр.

¹⁾ Догматика преосв. Сильвестра начата печатаніемъ на страницахъ академическаго журнала въ 1877 году. Въ 1879 году разрѣшено печатаніе и обращеніе въ Россіи сочиненій Хомякова (Сочин. А. Хомякова, т. II, стр. 90).

Макарій говорить, что послѣ точнаго опредѣленія догмата словами того или иного исповѣданія церкви, нужно подтвердить его Св. Писаніемъ, а изъ Св. Преданія приводить свидѣтельства „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтельства Писанія или не довольно ясны и полны, или подвергаются разнымъ толкованіямъ и спорамъ; но итъ необходимости приводить мѣста изъ преданія тамъ, гдѣ мѣста изъ Писанія совершенно ясны и опредѣленны, такъ что не подвергаются никакимъ сомнѣніямъ и перетолкованіямъ ни со стороны православныхъ, ни даже со стороны неправославныхъ, напр. въ ученіи о нѣкоторыхъ свойствахъ Божіихъ“¹⁾.

Но мнѣнію преосв. Сильвестра догматъ вовсе не есть что-либо столь законченное въ своемъ развитіи, столь опредѣленное по своей формулировкѣ, чтобы онъ требовалъ только подтвержденія и объясненія. Онъ допускаетъ отчасти и новыя формулы. Самъ Спаситель сообщалъ истину „не безотносительно къ умственному и нравственному развитію“ слушателей, „а всегда примѣнялся къ степенямъ ихъ душевныхъ возрастовъ и къ образамъ ихъ представленія и пониманія“. „Потому же и апостолы, хотя все проповѣдывали одну и ту же истину Христову, но не передавали все ее совершенно одинаково буква въ буква“. Такъ и церковь „отнюдь не считала своимъ долгомъ хранить догматы только въ мертвенной неподвижности, ограничиваясь буквальноымъ повтореніемъ того, что было ей вручено, а напротивъ всегда считала своимъ правомъ и обязанностію уяснять эти истины или переводить ихъ на языкъ понятный и общедоступный для каждаго вѣрующаго, а когда оказывалась нужда,—вырабатывать для большаго опредѣленія и утвержденія ихъ болѣе точныя, опредѣленныя формы, такъ что дѣятельность церкви въ семъ отношеніи пред-

¹⁾ Правосл. догмат. богословіе. т. I, Слб. 1879, стр. 32.

ставляет собою, можно сказать, своего рода внутреннюю, непрерывную діалектическую работу¹⁾. Опять и здѣсь такое направленіе въ разработкѣ догматическаго матеріала могло быть внушено покойному автору начавшимся въ его время новымъ теченіемъ въ западномъ богословіи—критико-историческими работами Баура надъ первохристіанствомъ и новозавѣтными книгами.

Преосв. Сильвестръ такимъ образомъ былъ очень чутокъ ко всѣмъ запросамъ и требованіямъ современности отъ богословія, и въ томъ, что онъ откликался на нихъ, лежитъ причина его успѣха. Вторая половина XIX вѣка вообще была критическою для западнаго богословія, дала ему теперешнее его, строго научное, историческое направленіе, и на долю покойнаго выпала нелегкая задача приспособить это новое направленіе къ православной догматикѣ. Стоитъ раскрыть богословіе преосв. Сильвестра на любомъ мѣстѣ, чтобы увидѣть, что это трудъ столько же систематическій, сколько историческій. Тогда какъ у митр. Макарія отеческія свидѣтельства о догматѣ занимаютъ немного мѣста и не всегда приводятся въ хронологическомъ порядкѣ, у преосв. Сильвестра эти свидѣтельства разсматриваются по періодамъ, благодаря чему дается историческая картина раскрытія догмата.

Реформа—дѣло не столь легкое, чтобы она могла быть выполнена единичными силами человѣка и въ короткій промежутокъ времени. Уже величіе замысла преосв. Сильвестра должно было папередъ говорить за то, что этотъ замыселъ исполнѣнъ вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ осуществленъ не будетъ.

То была, конечно, вѣрная и плодотворная мысль—отъ мертвыхъ формулъ обратиться къ живому религіозному со-

¹⁾ Т. I, стр. 33—34.

знанію церкви. Но какъ преосв. Сильвестръ понималъ это сознаніе? Отсылая догматиста къ этому сознанію, приглашая (въ вышеприведенной выдержкѣ) „проникаться и одушевляться духомъ истины и вѣры, всегда присущимъ какъ всей церкви, такъ и истиннымъ и живымъ членамъ ея“, преосв. Сильвестръ этотъ „духъ“, это „религіозное сознаніе“ видитъ только „въ живомъ словѣ вѣры, непрерывно проповѣдуемомъ богоучрежденными пастырями и учителями слова, которое близко къ самому сердцу каждаго вѣрующаго (Рим. 10, 8)“. Такимъ образомъ высокое увѣщаніе догматисту проникаться духомъ истины, живущимъ въ церкви, переходитъ у покойнаго автора и сводится къ совѣту: „пусть (догматистъ) не бываетъ невнимателенъ и глухъ къ живому слову вѣры, проповѣдуемому вездѣ въ церкви блюстителями божественной истины“¹⁾. Если освободить отъ реторики эти тирады, то окажется, что преосв. Сильвестръ спасеніе для догматикъ видѣлъ въ широкомъ пользованіи современными проповѣдями и богословскими сочиненіями. Но часто ли въ тѣхъ и другихъ звучитъ слово апостольской силы, „близкое къ самому сердцу каждаго вѣрующаго“? И помимо того—неужели религіозное сознаніе исчерпывается такими лишь формами? Не слишкомъ ли бѣдно человеческое слово, чтобы воплотить религіозное сознаніе, духъ истины, „которымъ дышетъ и живетъ церковь“, воплотить его весь, безъ остатка? Не выражается ли этотъ „духъ“, это „живое религіозное сознаніе“ въ чемъ-нибудь глубже, цѣлостнѣе и непрерывнѣе, чѣмъ въ „проповѣдуемомъ словѣ“? Этотъ „духъ“, это „сознаніе“ выражается во всей жизни церкви, въ ея дѣятельности, въ ея богослуженіи, искусствѣ, и догматистъ подвергается опасности быть одностороннимъ и неглубокимъ, если онъ остановится только на „словѣ“. „Слово“—

1) Т. I, цит. изд., стр. 43.

то и погубило схоластику. Апостольское благовѣстіе потому и было столь сильно, что оно возглашалось „не въ препрѣтельныхъ чловѣческихъ мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы“.

Вполнѣ сознавъ, что за словесной оболочкой догмата скрывается „духъ и сила“, преосв. Сильвестръ т. о. не памѣнилъ традиціонныхъ взглядовъ на источники догматики. Онъ только равномернѣе распредѣлилъ пользованіе этими источниками, поднявъ патристическій матеріалъ въ догматикѣ на должную высоту, при которой онъ не подавлялся и не затѣнялся библейскимъ матеріаломъ.

Не доведъ до конца преосв. Сильвестръ и другаго новаго начала, введеннаго имъ въ разработку догматической науки,—своего историко-генетическаго метода. Исторія догмата у него начинается съ ученія мужей апостольскихъ, между тѣмъ какъ и апостольское богословіе имѣло свою исторію и даже нѣкоторую борьбу мнѣній. Преосв. Сильвестръ не касается исторіи догмата въ апостольское время. У богослова, пишущаго послѣ Баура, да еще въ періодъ не умершей славы его, это было бы полезнымъ добавленіемъ. Догматъ хотя въ меньшей степени, тѣмъ у м. Макарія, и у преосв. Сильвестра является чѣмъ-то сразу и механически вложеннымъ въ церковное сознаніе, готовой, хотя менѣе сложной, чѣмъ у м. Макарія, формулой, объявленной Богомъ чловѣку. Между тѣмъ какъ, будучи истиной, превышающей не только чловѣческое разумѣніе, но и слово, догматъ у самихъ апостоловъ не могъ не искать для себя все болѣе и болѣе отчетливаго выраженія, не могъ обниматься во всей его божественной широтѣ и высотѣ умомъ одного апостола. Христологія, напр., ап. Петра лишь въ зародышѣ заключаетъ идеи ап. Павла и т. п.

Не даетъ преосв. Сильвестръ историко-генетической разработки и ветхозавѣтному матеріалу догматики. Между тѣмъ сразу ясно, какую интересную постановку сообщилъ

бы такой приемъ всей такъ называемой общей части догматики,—ученію о Богѣ въ Себѣ и о твореніи и промысленіи. На глазахъ преосв. Сильвестра производилась на западѣ широкая разработка библейскаго ветхозавѣтнаго богословія. Во всѣхъ курсахъ Св. Писанія и библейской исторіи считались обязательными главы о патріархальной религіи, о богословіи пр. Исаи, Даниїла. Появлялись и спеціальныя работы о библейскомъ богословіи. Отрицательная критика переворачивала въ этой области все вверхъ дномъ. Было ли въ правѣ догматическое богословіе въ виду всѣхъ этихъ фактовъ гордо заключиться само въ себя, какъ будто дѣло шло о вещахъ, совершенно не касающихся его? Оправданіемъ для русскаго богословія здѣсь впрочемъ можетъ служить то, что и западная догматика ставила и ставитъ себя въ сторонѣ отъ этихъ задачъ

— — —

Послѣ общей характеристики догматической системы преосв. Сильвестра, можно перейти къ частностямъ. Мы остановимъ вниманіе только на болѣе важныхъ отдѣлахъ системы, показавъ, что въ каждомъ случаѣ даетъ новаго преосв. Сильвестръ въ сравненіи съ прежними русскими системами, что прибавлено къ нему потомъ и насколько удачно онъ выполняетъ каждый разъ свою задачу.

Прежде всего—въ *дѣленіи* догматики преосв. Сильвестръ отступаетъ отъ митр. Макарія. Послѣдній дѣлитъ ее на 1) ученіе о Богѣ и общемъ отношеніи Его къ міру и 2) на ученіе объ особенномъ отношеніи Бога къ міру, выражающемся въ искупленіи и спасеніи послѣдняго. Преосв. Сильвестръ, возвращаясь къ дѣленію Теофана Прокоповича, Иринея Фальковскаго, Теофилакта Горскаго, прот. Терновскаго и архим. Антонія, дѣлитъ догматiku на 1) ученіе о Богѣ въ самомъ себѣ и 2) ученіе объ отношеніи Бога къ міру. Преимущества перваго дѣленія указывали въ томъ, что оно со-

общаетъ болѣе христіанскій колоритъ наукѣ и даетъ болѣе равномерныя части. Дѣленіе преосв. Сильвестра естественнѣе. Противъ него можно развѣ сказать, что о Богѣ въ самомъ себѣ мы очень мало знаемъ, чтобы изъ ученія объ этомъ дѣлать не главу лишь, а одну изъ 2-хъ частей науки. Пишущему эти строки лично болѣе нравится дѣленіе догматики у Мартенсена—по Лицамъ Св. Троицы, причемъ твореніе и промышленіе приурочивается, вслѣдъ за Никейскимъ символомъ, къ ученію о Богѣ Отцѣ, а эсхатологія къ ученію о Сынѣ Божіемъ.

Въ наукѣ большое значеніе имѣетъ *опредѣленіе* самого предмета ея. Оно устанавливаетъ объемъ науки. Въ опредѣленіи догмата у преосв. Сильвестра нѣтъ существенной разницы съ митр. Макаріемъ, кромѣ нѣскольکو большей раздѣльности въ разграниченіи моментовъ понятія: теологичность и законообязательность у митр. Макарія объединены въ признакъ догмата, какъ „непререкаемаго и неизмѣннаго правила спасительной вѣры“. То же опредѣленіе догмата повторяется (словами преосв. Сильвестра) у прот. Малиновскаго. Митр. Макарію т. о. принадлежитъ честь первой научной формулировки понятія, которое въ предыдущихъ догматикахъ не имѣло столь полнаго и удовлетворительнаго опредѣленія.

Въ сравненіи съ догматикой митр. Макарія и предшествовавшими, преосв. Сильвестръ вводитъ новую главу, точнѣе говоря—собственно догматику (послѣ исторіи науки) начинаетъ новой главой: „Истина бытія Божія“. Эту прибавку нельзя назвать удачной, но крайней мѣрѣ заглавіе ея. Богъ для догматики составляетъ такое же необходимое, исходное предположеніе, какое матерія для физики. Въ самое понятіе догмата входитъ признакъ *богооткровенности*. Глава эта—шагъ назадъ къ схоластикѣ по сравненію съ митр. Макаріемъ. Впрочемъ это можно сказать вполнѣ только о заглавіи ея, которое не вполнѣ соответствуетъ содер-

жанію: глава и не пытается доказать на почвѣ откровенія бытія Божія, а говоритъ только о способахъ убѣжденія въ бытіи Божіемъ (для тѣхъ, у кого это убѣжденіе колеблется), т. е. другими словами—о способахъ богопознанія.

И въ этомъ отношеніи глава даетъ нѣсколько живыхъ и плодотворныхъ мыслей, хотя не доведенныхъ до полной мѣры ясности и доказательности и сопровождаемыхъ спорными иногда аргументами. Основная мысль главы—что главное основаніе для убѣжденія въ бытіи Божіемъ представляетъ самый духъ человѣка съ его богоподобной природой. Эта мысль съ большей убѣдительностью развита позднѣе въ соч. проф. В. И. Несмѣлова „Наука о человѣкѣ“ (Т. I. 1898 г., т. II—1903 г.). Въ раскрытіи этой мысли безрезультатной представляется попытка преосв. Сильвестра доказать, что идея Божества коренится не въ разумѣ нашемъ, а въ сердцѣ: сердце настолько неопредѣленное въ Св. Писаніи и не научное поэтому понятіе, что введеніе его сюда ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу. Психологическій анализъ идеи Божества и оцѣнка способствъ доказательства бытія Божія въ этомъ отдѣлѣ нельзя назвать новымъ. Но здѣсь автору можно быть благодарнымъ за широкое ознакомленіе со святоотеческимъ матеріаломъ по этимъ вопросамъ.

§ „О познаваемости Бога“ въ сравненіи съ догматикой м. Макарія и обширнѣе и разработаннѣе. Прибавлено ученіе о непостижимости Божіей Вѣчнаго Завѣта, но представлено оно только однимъ мѣстомъ Исх. 33. Всѣ приводимые тексты раскрываются, что у митр. Макарія дѣлается только по отношенію 2 Кор. 5, 7 („видимъ... яко зеркаломъ въ гаданіи“). Это раскрытіе не вездѣ одинаковаго достоинства: толкованіе Исх. 33, 22 („узриши задняя Моя“) неубѣдительно и отстываетъ отъ отеческаго. Святоотеческое ученіе и здѣсь, кромѣ того, что дается въ хронологическомъ порядкѣ, изложено обширнѣе чѣмъ у митр. Макарія, но почему-то опускаются приведенныя митр. Макаріемъ очень цѣнныя мѣста

изъ Кирилла Иерусалимскаго: „неужели потому, что я не могу выпить всей рѣки, не буду и умеренно для пользы моей брать воды изъ нея“ и Иоанна Дамаскина: „Богъ въ самомъ себѣ заключаетъ всецѣлое бытіе, какъ бы нѣкоторое безпредѣльное и безграничное море сущности“.— Удачно опущены въ этомъ отдѣлѣ такіе тексты въ доказательство непостижимости Божіей: „никтоже знаетъ Сына...“ и „кто бо вѣсть отъ человѣкъ“, приводимые митр. Макаріемъ (первый текстъ со словъ св. Иоанна Дамаскина) и говорящіе (особенно второе мѣсто) въ контекстѣ какъ разъ обратное—о полной доступности богопознанія для вѣрующей души (ср. ос. 1 Кор. 2, 7. 8. 10).

Но во всемъ этомъ § преосв. Сильвестръ не устранилъ самаго существеннаго недосмотра митр. Макарія, видимаго противорѣчія между непостижимостью и познаваемостью Божіею. Желательно было, чтобы точнѣе было опредѣлено первое понятіе, разграничено, если это только можно, „постиженіе“ отъ „познанія“. Еще лучше было бы замѣнить первое понятіе „непостижимости“ болѣе точнымъ. Появляясь изъ символическихъ книгъ впервые только въ „Исповѣданія восточныхъ патріарховъ“, терминъ непостижимости введенъ въ богословіе александрійцами (Климентомъ, Оригеномъ) подъ явнымъ вліяніемъ неоплатонизма. Для поэтического языка молитвъ и пѣснопѣній это слово очень годится (у митр. Макарія цитаты изъ Служебника и Требника), но для точнаго языка науки, кажется, болѣе подходилъ бы Густиневскій терминъ „неизъяснимъ“ (Апол. 2, 6). А всѣ библейскіе аргументы говорятъ только о „невидимости“ Божіей (Іоан. 1, 18. 1 Тим. 6, 16).

Значительный шагъ у преосв. Сильвестра по сравненію съ митр. Макаріемъ и въ отдѣлѣ объ относительномъ значеніи *двухъ способовъ богопознанія*—естественнаго и сверхъестественнаго. Этотъ вопросъ митр. Макарій почему-то совершенно исключаетъ изъ своей системы, хотя у его пред-

шественниковъ ему посвящены особые параграфы и даже главы (у прот. Терновскаго 50 стр. изъ 262 всей книги, у арх. Антонія 4 §§). Преосв. Сильвестръ исчерпываетъ вопросъ можно сказать вполне. Относительно значенія обоихъ способовъ богопознанія онъ представляетъ не только библейскія свидѣтельства, сопровождая ихъ обширѣйшими изъясненіями, но прослѣживаетъ все развитіе святоотеческаго ученія объ этомъ предметѣ,—а по вопросу о богодухновенности Св. Писанія знакомитъ даже со взглядами новѣйшаго богословія (но почему-то только протестантскаго). Въ результатѣ этого большаго трактата (45 стр.) авторъ приходитъ, на основаніи гл. о. святоотеческаго ученія по этому пункту, къ такому заключенію объ относительномъ значеніи обоихъ способовъ богопознанія: „растительное сѣмя потому и оживляется, входитъ въ силу и своей ростъ, что, при принятіи имъ соковъ изъ своей почвы, въ то же время безусловно подчиняется дѣйствіямъ свѣта и ниспадающей съ неба влаги, которые входятъ чрезъ это съ нимъ въ органическую связь и единство. Такъ и сѣмя естественнаго боговѣдѣнія, насажденное въ душѣ человѣческой, тогда только правильно развивается и приходитъ въ свою полноту, когда, независимо отъ жизненныхъ соковъ своей духовно-естественной почвы, бываетъ совершенно открыто для вліяній свѣта божественной истины и дѣйствій силы благодати и когда чрезъ это входитъ съ нимъ во внутреннюю органическую связь и внутреннее единство“¹⁾. Хотя сравненіе не доказательство, но въ области догматическихъ истинъ очень часто приходится ограничиваться только аналогіями. По данному же вопросу дальнѣйшее развитіе науки едва ли прибавило что-либо существенное къ сдѣланному преосв. Сильвестромъ.

---

1) Т. I, стр. 316.

Отдѣлъ *о свойствахъ Божіихъ*—наименѣе разработанная часть догматики: она оставилась въ пренебреженіи въ пользу такихъ главъ, какъ триничность и воплощеніе. Стоитъ сравнить въ этомъ отдѣлѣ митр. Макарія съ его предшественниками, чтобы поразиться колоссальностью сдѣланнаго имъ. Кромѣ того, что онъ привлекъ сюда весь библейскій матеріалъ, онъ познакомилъ и съ ученіемъ св. отцевъ по многимъ пунктамъ. Но пытаюсь внести большую раздѣльность, митр. Макарій слишкомъ раздробилъ предметъ. Къ сожалѣнію и преосв. Сильвестръ не только не устранилъ этого недостатка, но пошелъ чуть не дальше, прибавивъ къ рубрикамъ „свойства ума“ и „воли Божіей“ и „свойства чувствованія Божія“, и помѣстивъ въ послѣднюю рубрику м. пр. „любовь Бога къ самому себѣ“.

Заслугу преосв. Сильвестра въ этомъ отдѣлѣ проф. Введенскій справедливо находитъ въ разъясненіи понятія о бездѣйствіи Божіемъ. На основаніи данаго у св. Аѳанасія Великаго разграниченія естества Божія отъ существа (φύσις и οὐσία), преосв. Сильвестръ отличаетъ „образъ существованія Божія по собственному естеству, внутри своего естества, отъ напращиванія жизнедѣятельности Божіей во внѣ: по первой сторонѣ Богъ является причиной самого себя, въ мірѣ же Богъ существуетъ какъ причина, обращенная своею дѣятельностью во внѣ. Послѣдній образъ существованія Бога представляетъ собою только какъ бы нѣкоторую внѣшнюю окружность внутренняго естества или составляетъ собою только какъ бы нѣчто Ему совнѣ существующее или за нимъ слѣдующее“¹⁾. Такимъ разъясненіемъ устраняется логическое противорѣчіе, въ которое впадаетъ наша мысль, когда представляемъ Бога бездѣйствующимъ по *Его собственному естеству* одно и то же существо находясь сразу въ разныхъ мѣстахъ.

1) Т. II, 1881 г., стр. 126.

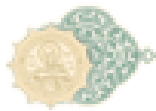

Въ ученіи о *троичности* преосв. Сильвестръ, благодаря своему историческому методу, избѣжалъ тѣхъ повтореній, которыя были неизбѣжны въ прежнихъ догматикахъ, при ихъ логическомъ расчлененіи догмата на ученіе 1) о „дѣйствительности троичности Божіей“ (арх. Антоній; митр. Макарій: „о троичности лицъ въ Богѣ при единствѣ существа“), 2) „о Божествѣ и единосущіи лицъ пресв. Троицы“ (арх. Антоній; митр. Макарій: „о равенствѣ и единосущіи Божескихъ Лицъ“) и 3) о различіи Божескихъ Лицъ по ихъ личнымъ свойствамъ.

Не измѣнивъ прежняго плана въ раскрытіи догмата, митр. Макарій восполнилъ аргументацію его обильными отеческими свидѣтельствами. Но эти свидѣтельства носятъ у него характеръ только подтвержденія для библейскаго ученія (какъ то показываютъ и подзаголовки: „доказательства изъ Св. Писанія“, „доказательства изъ Св. Преданія“), почему эти свидѣтельства не спускаются у него позднѣе IV вѣка.

Преосв. Сильвестръ наоборотъ, какъ и вездѣ въ своей догматикѣ, поставилъ здѣсь себѣ цѣлью представить полную картину постепеннаго раскрытія догмата и въ этомъ отдѣлѣ его историческій методъ разработки науки приложенъ наиболѣе послѣдовательно и блестяще. Это жемчужина его догматики. Въ громадной церковной литературѣ восьми вѣковъ имъ едва ли оставлено по этому вопросу что-либо существенное безъ вниманія. Онъ не ограничивается простой передачей воззрѣній на догматы того или другого отца; онъ ставитъ эти воззрѣнія въ генетическую зависимость отъ прежнихъ. Многія неясныя выраженія онъ сопровождаетъ комментаріями, которые даютъ видѣть всю глубину отеческаго богословствованія, скрывающуюся иногда за неясными выраженіями. Правда, по мѣстамъ эти комментаріи, какъ и у митр. Макарія, въ полемическомъ пылу пытаются вложить въ уста св. отца не

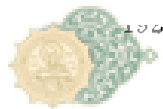

принадлежащую ему мысль: нѣкоторыя выраженія отдѣльныхъ отцовъ VI—VIII вѣка, приближающіяся къ ученію *refillium*, оба преосвященные авторы непременно стараются объяснить въ православномъ смыслѣ (такъ называемомъ „домостроительномъ“), какъ бы забывая, что личная непогрѣшимость въ догматахъ прав. церковью усвоится только апостоламъ.—Соображенія разума въ пользу догмата въ обѣихъ догматикахъ одинаково мало убѣдительны. Но они не лучше на нашъ взглядъ (вопреки мнѣнію объ этомъ нашего сокритика обѣихъ догматикъ) и у Вл. Соловьева. Вообще въ этомъ отношеніи послѣ обѣихъ догматикъ не сдѣлано ничего существеннаго въ наукѣ¹⁾.

Отдѣлъ о *твореніи* и *промыслѣ* у преосв. Сильвестра получилъ существенную переработку по сравненію съ прежними догматиками и большее приспособленіе къ выводамъ естествознанія. Такъ дается подробный разборъ всѣхъ естественно-научныхъ теорій происхожденія міра и человѣческаго рода на землѣ. Моисеево сказаніе о шестидневномъ твореніи міра, въ которомъ дни творенія понимаются (вслѣдъ за митр. Макаріемъ) въ буквальномъ смыслѣ²⁾, примиряется съ данными геологій тѣмъ, что геологическіе періоды переносятся за первый день творенія. Въ вопросѣ о происхожденіи человѣческихъ душъ преосв. Сильвестръ возвращается къ мысли прежнихъ догматикъ (арх. Антонія) о непосредственномъ твореніи ихъ Богомъ (митр. Макарій допускаетъ естественное происхожденіе душъ дѣтей отъ родителей).

¹⁾ См. впрочемъ Богословскій Вѣстникъ 1904 г., іюль—сент. „Догматы о Св. Троицѣ и полное знаніе“ (анонимъ).

²⁾ Прот. Малиновскій склоняется къ пониманію болѣе широкому, въ смыслѣ періодовъ времени неизвѣстной намъ продолжительности, но „не громадныхъ“ (Прав. догм. богословіе, ч. 2, 1 пол. Ставрополь, 1903. стр. 113).

Лучше всего было бы подобные вопросы, въ которыхъ возможна борьба мнѣній и различное рѣшеніе, не вводить въ область догматики, предметомъ которой должны быть основныя и несомнѣнныя истины вѣроученія (догматика прот. Терновскаго не касается вопроса даже о дняхъ творенія). Въ замѣнъ этого полезнѣе было бы углубиться въ самое понятіе творенія. Проф. Введенскій въ вышеупомянутой статьѣ справедливо находитъ у архіеп. Никанора въ его трудѣ „Позитивная философія и сверхчувственное бытіе“ болѣе такого углубленія, чѣмъ у преосв. Спльвестра, имѣя въ виду напр. такое соображеніе относительно перехода Божественныхъ идей въ реальныя вещи: все реальное бытіе въ совокупности, равно какъ и каждый отдѣльный предметъ, есть произведеніе положительнаго ничто на безконечность по силѣ математической формулы: $\infty \times 0 = 1$ (стр. 336).

Центральнымъ отдѣломъ христіанскаго богословія является ученіе о *спасеніи* или частиѣ объ искупленіи. Для каждой догматической системы посему этотъ отдѣлъ долженъ служить пробнымъ камнемъ. Русская же богословская литература послѣднихъ десятилѣтій справедливо обратила особенное вниманіе на сотеріологію (поводомъ къ чему, можетъ быть, послужило своеобразное рѣшеніе этого вопроса новѣйшимъ нѣмецкимъ богословіемъ въ лицѣ такъ называемой ричлианской школы) и дала солидную монографію по этому предмету: „Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ. Опытъ изъясненія догмата искупленія“ (2 изд. 1907 г.) профессора богословія въ Кіевскомъ университетѣ прот. П. Свѣтлова. Эта монографія, какъ и всѣ работы ричлистовъ, можно сказать посвящена борьбѣ съ такъ называемомою юридическою теоріею искупленія, родоначальникомъ которой считается Анзельмъ Кентерберійскій и которою доселѣ объясняемо догматъ искупленія научное богословіе всѣхъ трехъ вѣро-

исповѣданій (хотя, можетъ быть, въ различной степени и съ небольшими видоизмѣненіями). Ричлемъ и его школою, дѣйствительно, эта теорія искупленія отвергнута вся безъ остатка, но—цѣною уничтоженія всей объективной стороны искупленія. Что же касается русской монографіи, то, при всѣхъ выдающихся достоинствахъ ея, она своей полемикой противъ этой теоріи доказала только полную невозможность дать какое либо другое объясненіе тайнѣ искупленія, невозможность совершенно исключить отсюда моментъ „правды“ Божіей. Противники юридической теоріи искупленія упрекаютъ ее въ забвеніи любви Божіей при объясненіи тайны искупленія. На нашъ взглядъ такое забвеніе было психологически невозможно: настолько необходимо въ понятіи спасенія мыслится любовь. Но кромѣ любви въ понятіе искупленія входитъ и что то другое, что можно назвать правдою, гнѣвомъ Божіимъ и т. п. словами; это-то другое требовало въ В. З. такихъ гекатомбъ кровавыхъ жертвъ; оно потребовало и смерти Христа; оно же, по вѣрованію церкви, скажетъ и послѣднее слово отъ Бога міру... Все дѣло въ томъ, чтобы примирить въ понятіи искупленія эти два повидимому несоединимые момента. Анзельму это не удалось, но и никому до и послѣ него.

Позиція, которую занялъ въ этомъ вопросѣ преосв. Сильвестръ, съ особою поразительностью доказала его глубокой религіозный тактъ. Въ опредѣленіи догмата искупленія онъ искусно исключилъ все прибавленное богословіемъ со времени Анзельма къ Свящ. Писанію, въ частности понятія „удовлетворенія“ (satisfactio) и „заслуги“ (meritum), принятія не только митр. Макаріемъ, но и митр. Филаретомъ въ катихизисѣ, и далъ такую точную и краткую формулу догмата: „Первосвященническое служеніе Христово... особенно важно было и такіа прилело важныя послѣдствія, потому что его совершилъ *принесшій* Себя въ жертву за грѣшныя люди Христосъ, не какъ человѣкъ толь-

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. I. 1909 г.

ко, хотя невинный и безгрѣшный, но емлетъ и какъ Сынъ Божій.“ Ни одного лишняго слова противъ Св. Писанія и consensus ecclesiae! Для полноты можно было бы прибавить понятіе выкупа (*λύτρον*), не менѣе библейское, чѣмъ жертва. Но войти въ дальнѣйшее раскрытіе этого послѣдняго понятія и понятія жертвы—значило послѣдовать за Ансельмомъ, а этого явно не хотѣли преосв. Сильвестръ и отъ этого его остановило то „обращеніе къ религіозному сознанию всей церкви“, которое онъ рекомендуетъ догматисту въ началѣ своего труда.¹⁾ Въ богословіи не все можно договаривать до конца, ибо оно идейная наука, возвышающаяся надъ словами и понятіями.

Спѣша къ концу, мы не останавливаемся на частныхъ пунктахъ этой части догматической системы преосв. Сильвестра. Замѣтимъ только, что еще проф. Введенскій нашелъ у преосв. Сильвестра недостаточное разграниченіе между первороднымъ грѣхомъ самимъ по себѣ и его слѣдствіями и какъ бы отождествленіе перваго съ послѣдними.

---

¹⁾ Свящ. І. Орфанитскій въ соч. „Историческое изложеніе догмата объ искупительной жертвѣ Господа нашего І. Христа“ (Москва, 1904 г.) подозрѣваетъ преосв. Сильвестра въ симпатіяхъ къ протестантскому ученію объ *oboeidentia activa*, по которому жизнь Христова, полная послушанія Богу Отцу—столь же необходимый моментъ искупительной жертвы Христовой, какъ и смерть Его. Но это подозрѣніе авторъ основываетъ на одномъ только словѣ преосв. Сильвестра. Упомянувъ о принятіи этого ученія протестантствомъ въ Формулѣ согласія,—преосв. Сильвестръ продолжаетъ: „но, къ сожалѣнію, на почвѣ того же протестантизма впоследствии времени возникли и совершенно противоположныя ученія объ искупленіи“ (т. IV, стр. 111—112). „Изъ этого „къ сожалѣнію“ и т. д. ясно видно,—говоритъ свящ. Орфанитскій,—ясно видно, что авторъ признаетъ самое протестантское ученіе объ *oboeidentia activa* правильнымъ“. Не „правильнымъ“, а „болѣе правильнымъ“, чѣмъ позднѣйшія ученія, напр. социанское.

Изъ дальнѣйшихъ частей системы скажемъ нѣсколько словъ относительно главъ о церкви и эсхатологической. Первая глава выгодно отличается у преосв. Сильвестра отъ прежнихъ русскихъ догматикъ и полнотою своею, и строго-историческимъ характеромъ. Раскрытіе ученія о церкви дано съ первыхъ упоминаній о ней Спасителя и послѣдовательно проходитъ чрезъ всѣ вѣка до раздѣленія церквей. Нѣтъ прежняго дробленія главы на рядъ параграфовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ свойствамъ церкви и разнымъ сторонамъ церковной жизни. Недостаткомъ этого отдѣла является оставленіе въ тѣни таинственной стороны церкви. Наприм. даже въ § „ученіе апостоловъ“ (о церкви) только вскользь упоминается глубокое богословіе о церкви посланія къ Ефесянамъ и Колоссянамъ (даже не выписываются тексты отсюда, исключая Еф. 4, 11—13). Въ этомъ отношеніи учебничекъ архіеп. Антонія стоитъ выше его двухъ великихъ продолжателей.

Существеннымъ шагомъ въ разработкѣ ученія о церкви послѣ преосв. Сильвестра нельзя не признать изсѣдованіе проф.-прот. Свѣтлова „Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія“ (печатавшееся въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1902—1904 г.), гдѣ показано отношеніе церкви къ понятію царства Божія,—вопросъ, котораго доселѣ не касались догматики, но рѣшеніе котораго у автора допускаетъ принципиальныя возраженія.¹⁾

Эсхатологія—наиболѣе темная и опасная часть догматики, гдѣ, повидимому, меньше всего можно сказать догматисту. Но уже митр. Макарій показалъ, насколько можно освѣтить эту область привлеченіемъ сюда святоотеческаго матеріала. Преосв. же Сильвестръ едва ли какою-либо другою частью своей системы въ такой степени обнаружилъ

¹⁾ См. Никольскій, цит. соч., стр. 136 и д.

всю громадность сдѣланнаго дѣя богословія св. отцами. Цѣлое море свѣта проливается иногда на самый темный пунктъ вѣроученія по данному вопросу однимъ словомъ или выраженіемъ того или другого изъ тѣхъ св. богослововъ, которые духомъ всегда жили болѣе въ вѣкѣ грядущемъ, чѣмъ въ настоящемъ. Въ качествѣ примѣра напомнимъ нѣсколько такихъ золотыхъ афоризмовъ. „Чтобы сіе чудное обиталище тварей не осталось навсегда исполненнымъ беззаконія, преидеть міръ сей“ (Кириллъ Іерус.)¹⁾. „У людей есть обыкновеніе одѣвать слугъ въ богатое платье для чести сына, когда ему надобно показаться въ свѣтѣ прилично своему роду; такъ и Богъ облачаетъ тварь нѣтълѣніемъ въ свободу славы чадъ“ (Златоустъ)²⁾. Тварь „подвергнется тогда своего рода тяжелой смерти, но лишь для того, чтобы возстать болѣе благодѣльною“ (Епифаній)³⁾. „Самая субстанція получить такія свойства, которыя чрезъ удивительное измѣненіе окажутся соответствующими тѣламъ безсмертнымъ“ (Августинъ)⁴⁾. Неудивительно, если преосв. Сильвестръ въ этой части догматики наиболѣе патристъ. И здѣсь онъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, возвышается надъ своими предшественниками, изъ которыхъ архим. Антоній не имѣетъ здѣсь ни одной отеческой цитаты, а митр. Макарій достигаетъ здѣсь зенита въ своей „рубрицистикѣ“, указывая напр. 10 качествъ антихриста, 6 свойствъ воскресшихъ тѣлъ, говоря о воскресеніи по категоріямъ дѣйствительности, возможности и необходимости и т. п.

Вопреки обыкновенію и естественному соблазну кончать конецъ книги, особенно если она многотомна, у преосв.

---

¹⁾ Огл. 15.

²⁾ На Римл. бес. 8.

³⁾ Наег. 64.

⁴⁾ О градѣ Б. 20, 14.

Сильвестра эта заключительная часть его труда потребовала кажется наибольшаго труда, по крайней мѣрѣ наиболѣе самостоятельна. Эта самостоятельность здѣсь у него перешла даже границу: онъ не воспользовался кое-чѣмъ и цѣннымъ, сдѣланнымъ по этому вопросу его предшественниками. Напр. архим. Антоній удачно подчеркиваетъ, что „объ огнѣ, какъ главнѣйшемъ орудіи будущихъ мукъ грѣшниковъ, чаще всего говоритъ Св. Писаніе“ (стр. 270) ¹⁾, начинается изображеніе вѣчнаго блаженства текстомъ изъ Пс. 41 и 16: „Когда прииду и явлюся лицу Божию?“ „Насыщуси внягда явитимися славѣ Твоей“. За митр. же Макаріемъ преосв. Сильвестру можно было бы послѣдовать напр. въ привлеченіи къ библейскому эсхатологическому матеріалу текстовъ: „Шедше научите вся языки“... „Сынъ человѣческій приидеть обряцеть ли си вѣру на земли“; „Да о имени Іисусовѣ всяко поклонится колѣнно“... Хороши также мысли митр. Макарія, не повторяемыя преосв. Сильвестромъ, что антихристъ погибнетъ отъ дѣйствія Христа Спасителя, когда Онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ (2 Сол. 2, 8), что истину воскресенія исповѣдывали св. мученики. Даже изъ небогатаго у митр. Макарія запаса отеческихъ свидѣтельствъ преосв. Сильвестръ почему-то опускаетъ такіа цѣнныя мысли, какъ Златоуста о знаменіи—крестѣ при парусіи: „Для чего является сіе знаменіе? Для того, чтобы совершенно посрамить безстыдство іудеевъ. Ибо Христосъ придетъ на сей судъ, имѣя величайшее оправданіе крестъ, показывая не только раны, но и постыдную смерть“ ²⁾,—Тертуллиана, что наши тѣла чрезъ смерть теряютъ бытіе только для насъ, а не для Бога ³⁾, аргументъ

¹⁾ Хорошо у архим. Антонія выраженіе о вѣчности мукъ: „сія страшная истина а) внушается“ и т. д. стр. 271.

²⁾ На Мо. бес. 76. Пр. догм. бог. м. Макарія, т. V, 199.

³⁾ De ressur. car. 68 и д. Кир. Огл. 18. Богосл. т. V, 205.

последняго суда у Златоуста: „Ежели не вѣришь нашимъ словамъ, спроси іудеевъ, еллиновъ, всякаго еретика; всё они какъ бы одними устами отвѣтятъ, что будетъ судъ и воздаяніе. А если не довольствуешься чловѣческимъ свидѣтельствомъ, спроси самыхъ бѣсовъ, и услышишь, какъ вопіють они: что пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ“ ¹⁾, „за ласковое слово, за одинъ вздохъ получимъ награду“ ²⁾, мысль Ефрема Сирина: „Многими обителями у Отца Спаситель называетъ мѣры разумѣнія водворяемыхъ въ оной странѣ“ ³⁾. Ослабляется аргументъ Кирилла Іерусалимскаго въ пользу воскресенія: „не знаешь ли ты, что рождаемси мы изъ слабыхъ, безобразныхъ и одновидныхъ вещей“ ⁴⁾, такимъ перифразомъ: „возникновеніе напр. изъ безвиднаго сѣмени полнаго организма чловѣческаго“ ⁵⁾. Русскихъ ученыхъ нѣмцы давно упрекаютъ въ недостаточномъ пользованіи трудами своихъ предшественниковъ, въ отсутствіи строгаго научнаго преемства.

Хорошо поступаетъ преосв. Сильвестръ, что въ этотъ трудный отдѣлъ догматики совершенно не вводитъ такъ называемыхъ „соображеній разума“. Этимъ онъ избѣжалъ такихъ напр. „соображеній“ митр. Макаріа: Богъ „не престанетъ быть благимъ и тогда, когда грѣшники будутъ мучиться во адѣ; но только по отношенію къ нимъ будетъ дѣйствовать не по благодти своей“ ⁶⁾.

Характерна та смѣлость, съ которою преосв. Сильвестръ ставитъ послѣдней главою догматики вѣчныя мученія. Его ближайшіе предшественники (архим. Антоній,

1) На Рим. бес. 41. Богосл. т. V, 217.

2) Тамъ же. Богосл. т. V, 218.

3) О блаж. обит. Богосл. т. V, 261.

4) Огл. 18. Богосл. т. V, стр. 207.

5) Еп. Сильвестра, Богосл. т. V, 385.

6) Т. V, 251.

архіеп. Филаретъ и митр. Макарій) въ данномъ случаѣ жертвуютъ естественнымъ порядкомъ (блаженство праведниковъ и мученіе грѣшниковъ), чтобы закончить утѣшительнымъ аккордомъ¹⁾. Нельзя не признать, что второе изъ двухъ заключеній болѣе подходитъ для системы христіанскаго вѣроученія, которое есть благовѣстіе. Если же преосв. Сильвестръ такъ хотѣлъ остаться здѣсь прямолинейнымъ, то онъ могъ ослабить скорбное впечатлѣніе послѣднихъ страницъ, помѣстивъ на нихъ святоотеческія мысли, ортодоксально смягчающія идею вѣчныхъ мукъ. Таковыми намъ представляются напр. мысли: св. Иринея, что „блага Божіи вѣчны и безконечны и потому лишеніе ихъ вѣчно и безконечно“²⁾, Василия В., что „можетъ быть, страшнѣе тмы и вѣчнаго огни тотъ стыдъ, съ которымъ увѣковѣчены будутъ грѣшники, непрестанно имѣя предъ глазами слѣды грѣха“³⁾, Златоуста: „для имѣющаго чувство и разумъ быть отверженнымъ отъ Бога—значить потерпѣть уже геенну“⁴⁾; „лучше подвергнуться безчисленнымъ ударамъ молніи, нежели видѣть кроткое лице Господа, отъ насъ отвращающееся, и ясное око Его, не могущее взирать на насъ“⁵⁾.

Сказаннымъ кратко очерчено мѣсто преосв. Сильвестра въ русской богословско-догматической наукѣ. Но

¹⁾ Впрочемъ говорить раньше о вѣчныхъ мукахъ дается основаніе тѣмъ, что главное понятіе эсхатологіи—судъ, а прямое слѣдствіе суда—кара. Святые по библейскому взгляду стоятъ выше суда и „на судъ не придутъ“; судъ имѣетъ ихъ и ихъ вѣчную жизнь цѣлью своею.

²⁾ Прот. ер. V, 27.

³⁾ На Пс. 33.

⁴⁾ На Рим. бес. 5.

⁵⁾ На Мѡ. бес. 23.

преосв. Сильвестръ имѣеть право на почетное положеніе и въ европейской наукѣ. Будущей критикѣ предстоитъ оцѣнить это положеніе, выяснить м. пр. насколько самостоятеленъ преосв. Сильвестръ въ своей громадной работѣ до него существовала за границей уже не одна солидная исторія догматовъ. Кромѣ стараго, но далеко не потерявшаго еще цѣны труда Діонисія Петавія, назовемъ Augusti, Baumgarten Crusius'a, Münscher'a, Hagenbach'a Neander'a, Ebrard'a, извѣстнаго Baug'a, Nitzsch'a¹⁾. Если отсюда или изъ системъ догматики можно было чѣмъ либо воспользоваться, то требовалась православная переработка до неузнаваемости. Скорѣе преосв. Сильвестру можно было поставить въ вину нѣкоторое пренебреженіе къ православной литературѣ. Но крайней мѣрѣ его догматика и для православнаго богослова далеко не дѣлаетъ излишнимъ ознакомленіе съ лучшими системами католическими и протестантскими, существовавшими до него и слѣд. открытыми для его пользованія (Martensen, Oettingen и др.)

Такое отношеніе къ иностраннымъ пособіямъ, безъ сомнѣнія, вызывалось у преосв. Сильвестра благоговѣніемъ къ православной истинѣ и твердою увѣренностью въ обладаніи ею. Отсюда понятна и еще одна черта его догматики

Во всякой литературной работѣ, не исключая и научной, важнѣе, кромѣ содержанія, и тонъ. Тонъ въ догматикѣ преосв. Сильвестра пріятно поражаетъ своимъ спокойствіемъ. У него нѣтъ полемическаго задору при встрѣчѣ съ невірными взглядами. Нѣтъ и того дѣланнаго призма, который

¹⁾ Преосв. Сильвестръ цитуетъ только Hagenbach'a, *Lehrbuch der Dogmengeschichte*, 1840, 1857 (о которомъ отзывается, „соч. болѣе другихъ замѣчательное“. Т. I, стр 167) и Haag'a *Histoire de dogmes chrétiens*, Paris, 1862

побуждалъ его русскихъ предшественниковъ заключать свои системы или отдѣлы ихъ благочестивыми восклицаніями, даже молитвенными.

И по тону, какъ и по содержанію, это вполнѣ научная догматика, и этимъ ей обеспечена вѣчная память.

М. Скабаллановичъ.